Ной Каллен

Соль и стекло

Ной Каллен

Соль и стекло

«Автор»
2026

Каллен Н.

Соль и стекло / Н. Каллен — «Автор», 2026

Он подписал бумагу, которая отняла у моей семьи мастерскую.Я поклялась, что никогда не подам ему руки.А потом в Ночь фонарей треснуло стекло, и наша кровь смешалась на одном осколке.Теперь лорд-страж Олдрик Вейн, самый холодный человек Солёного Предела, связан со мной привязкой, которую не разорвать. Я чувствую его боль. Он слышит мой страх. Без меня он умрёт от солевой горячки, а без него мне не вернуть дом отца.Но кто-то подмешивает чёрную соль в фонари на Стене, которая триста лет сдерживает море. И королевский дознаватель уверен, что это я.— Вражда, которая перерастает в любовь— Вынужденная привязка и жизнь под одной крышей— Ворчливый лорд и колючая стекольщица— Отдельная история с хеппи-эндом

© Каллен Н., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Ночь фонарей 6
Глава 2. Договор 11
Глава 3. Эхо 16
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Ной Каллен
Соль и стекло

Ной Каллен
Соль и стекло
Солёный Предел. Книга 1
© Ной Каллен, 2026. Все права защищены.

Глава 1. Ночь фонарей

Тележка опять встала поперёк Канатной улицы, и Тамсин Хейл в третий раз за вечер пообещала колесу, что продаст его на дрова.

— Ты ему это уже говорила, — сказала Рен, упираясь плечом в задний борт. — Оно не верит. Слишком хорошо тебя знает.

— Толкай и молчи.

— Я толкаю. Я могу толкать и разговаривать одновременно, я одарённая.

Улица шла к Соляной башне так круто, что местные прозвали её Коленоломкой, и в обычный вечер по ней поднимались только водовозы и влюблённые. Сегодня по ней лез весь Хольм. Рыбачки в праздничных платках, приказчики с жёнами, мальчишки с бумажными фонариками на палках, гильдейские мастера в тяжёлых шерстяных плащах, от которых на подъёме несло мокрой овцой. Туман поднимался снизу, из порта, вместе с толпой. Он пах водорослями, дымом коптилен и немного жжёным сахаром, потому что на углу у Рыбного спуска торговали печёными яблоками.

На тележке, в ящике, обложенный соломой и тремя старыми одеялами, ехал Большой фонарь.

Тамсин шла рядом и держала ладонь на крышке ящика. Не потому, что это помогало. Просто так было спокойнее. Через доски она чувствовала, как фонарь отзывается на каждый булыжник тонким, едва различимым дребезгом. Хорошее соляное стекло на ходу так не звенит. Хорошее стекло гудит низко, как шмель в кувшине.

«Это холод, — сказала она себе. — Туман, сырость, отжигали его в прошлом году. Отец бы сказал: не выдумывай, девка, вези».

Отец сказал бы что-нибудь похуже, с упоминанием печной заслонки и чьей-то матери. Но смысл был бы такой.

— Двенадцать крон, — сказала Рен, когда колесо, наконец, выкатилось из выбоины. — Ты так шевелишь губами, будто считаешь. Двенадцать?

— Сорок.

— Сорок крон за одну банку со свечкой?

— Это не банка. Это Большой фонарь для обряда, отец дул его три дня, а я полировала неделю. И это не нам сорок, а казне. Казна вычтет их из долга. Останется сто восемьдесят шесть крон и семь грошей.

— И нас всё равно не пустят обратно домой.

— Нас всё равно не пустят обратно домой, — согласилась Тамсин.

Рен фыркнула и замолчала, что было на неё не похоже. Ей недавно исполнилось двадцать, и она умела молчать, только когда ныряла. Всё остальное время из неё сыпались слова, табачная крошка и чужие секреты.

Тамсин покосилась на сестру. Рыжие волосы выбились из-под шапки, на щеке пятно смолы. Новая куртка, явно не по деньгам. Спрашивать, откуда куртка, Тамсин не стала. Если спросить, Рен соврёт, а Тамсин сделает вид, что поверила, и обе будут чувствовать себя глупо. Лучше так.

* * *

Ворота башни были открыты настежь, но перед ними стояла стража, и стража была против тележек.

— Не положено, — сказал сержант с усами цвета мокрой пакли. — Гостевой проход. Повозки через нижний двор, с хозяйственной стороны.

— Нижний двор закрыт, там ваша же кухня разгружает бочки. Я спрашивала.

— Значит, ждите.

— Обряд начинается после второго колокола. Если я буду ждать, ваш лорд-страж будет зажигать оберег свечным огарком.

— Не дерзите, барышня.

— Я не барышня, я подрядчик.

Сержант осмотрел её от сапог до шапки. Сапоги были отцовские, перешитые. Руки в мелких белёсых пятнах старых ожогов, на левом запястье свежий, ещё розовый, от вчерашней полировки. Подрядчиков в таком виде к нему, судя по лицу, не пускали.

— Пусти, — сказал кто-то сзади.

Голос был негромкий и сухой, как треск щепки. Сержант вытянулся так быстро, что звякнули пряжки.

Тамсин обернулась.

Лорда-стража Солёного Предела она видела дважды: на похоронах капитана Остри, издалека, через головы, и один раз на гравюре в лавке, где он был изображён с мечом и выражением лица, которое гравёр, видимо, считал благородным. В жизни меча не было. Был тёмный плащ без шитья, мокрый по плечам, и лицо, на котором не было вообще никакого выражения. Высокий, худой, чёрные волосы острижены коротко, как у солдата, и уже с проседью над ухом, хотя по слухам ему едва за тридцать. Под глазами синева, какая бывает у людей, которые разучились спать.

Левую руку он держал в перчатке. Правую без.

— Фонарь от Хейлов? — спросил он.

— От того, что от Хейлов осталось, — сказала Тамсин.

Он посмотрел на неё. Глаза у него оказались светлые, серые, как солекамень после дождя.

— Вы дочь Эвана Хейла.

— Старшая. Тамсин Хейл. А это Рен Хейл, младшая. Мы обе дочери, это на вывеске было написано, «Хейл и дочери». Вывеску сняли ваши люди. Если вам интересно, она теперь в казённом подвале, с печатью.

— Тамс, — шепнула Рен.

— Нет, пусть знает. — Тамсин не отпускала крышку ящика, и пальцы у неё побелели. — Вы подписали бумагу, которая выгнала нас на улицу, милорд. Девятого числа месяца снегов. Подпись у вас красивая, с завитком. Я её хорошо разглядела, пока пристав зачитывал.

Сержант втянул голову в плечи. Двое стражников у ворот разом нашли что-то очень интересное в тумане.

Лорд Олдрик Вейн не изменился в лице.

— Я подписываю много бумаг, — сказал он.

— Не сомневаюсь.

— Фонарь несите на стену. К главной площадке, где жаровни. Плату получите у казначея после обряда. Сержант, двоих людей на ящик. Если уронят, вычтете из жалованья.

— Мне не надо двоих людей. Я сама.

— Тогда троих, — сказал он сержанту и ушёл в ворота.

Тамсин смотрела ему в спину, пока туман не съел тёмный плащ. Потом выдохнула сквозь зубы.

— Ну ты даёшь, — сказала Рен с восхищением. — Я думала, он тебя велит сбросить с Коленоломки.

— Он не велит. Ему плевать.

— На то, что ты ему сказала?

— На то, что у него на бумаге было написано.

Стражники подняли ящик. Тамсин пошла рядом, держа руку на крышке.

* * *

Стена начиналась прямо у подножия башни и уходила в обе стороны, на север и на юг, сколько хватало глаз, а в тумане глаз хватало шагов на двести. Серо-белая, шершавая, местами в рыжих потёках от старых железных скоб. Тамсин один раз в детстве лизнула солекамень на спор и потом весь вечер не могла объяснить отцу, почему у неё сладко-солёный язык и разбита губа. Он был похож на сахар, который забыли растворить. Тёплый днём, ледяной ночью.

Наверху было ветрено. Ветер шёл с моря, тяжёлый и мокрый, и толкал в грудь, как пьяный в трактире.

Тамсин боялась высоты. Не так, чтобы кричать, а так, чтобы колени делались чужими. Она поднималась по каменной лестнице, считая ступени, сорок одна, и держалась за внутреннюю сторону, за стену башни, и не смотрела влево, туда, где за парапетом в темноте ворочалось море. Слышно его было хорошо. Оно дышало внизу, длинно и с хрипом, и с каждым вдохом подбиралось к подножию.

— Прилив высокий, — сказал один из стражников, видимо, чтобы что-то сказать.

— Ночь фонарей всегда на высокую воду, — ответил другой. — Чтоб видно было, держат обереги или нет.

— А если не держат?

— Тогда никому уже ничего не видно.

Оба засмеялись. Тамсин не засмеялась.

Главная площадка была широкой, как рыночная, вымощенной тем же солекамнем. По краю горели жаровни, по парапету тянулась цепочка обычных фонарей, бледно-зелёных, каждый через триста шагов от соседа, и их огоньки уходили в туман на север и юг, мутнея, как бусины в молоке. Посередине, на каменной тумбе, стояла пустая бронзовая чаша. Туда поставят Большой фонарь.

Внизу, на склоне перед башней, на крышах, на лестницах и балконах набился город. Тамсин видела головы, платки, огоньки бумажных фонариков. Слышала, как торгуют пирожками и как ругается какая-то женщина, у которой сын залез на водосточную трубу.

На площадке была знать. Тамсин отметила гильдейских старшин, отметила толстого казначея в лисьей шубе, к которому надо будет подойти потом, отметила несколько молодых людей в мундирах стражи Стены и несколько девушек в светлом, бледных от волнения.

А потом заметила женщину в перчатках.

Она стояла у чаши, высокая, прямая, с такими же чёрными волосами, как у лорда-стража, только заколотыми гладко и строго. Тёмно-синее платье без единой складки. Серые перчатки до локтя. В одной руке у неё был лист бумаги, в другой серебряный стилос, и она что-то вычёркивала, не глядя.

— Это кто? — шепнула Рен, которая, разумеется, прошла на стену за ней, хотя её никто не звал.

— Изольда Вейн. Маг Стены. Сестра.

— Откуда ты всех знаешь?

— Она заказывала у отца пробирки. Платила вовремя и ни разу не сказала спасибо.

Изольда подняла глаза, увидела ящик и кивнула стражникам на тумбу. Тамсин кинулась распаковывать раньше, чем кто-нибудь успел протянуть к соломе свои лапы.

Одеяла. Солома. Стружка. Фонарь лёг ей в руки тяжело, и она на миг замерла, как всегда, когда держала большую вещь отца. Высотой почти в локоть, бледно-зелёный, пузатый, с толстым дном и горлом, в которое вставлялась латунная крышка с фитилём. В стекле стояли пузырьки, мелкие, частые, как пена на волне. Тамсин повернула его к жаровне, и свет прошёл сквозь стенки и лёг ей на рукав зелёной рябью.

Она поставила его в чашу. Щёлкнула ногтем по боку, по привычке.

Звон вышел высокий. Тонкий. Не тот.

— Что-то не так? — спросила Изольда. Не заботливо. Так спрашивают про счёт, в котором не сошлась цифра.

— Замёрз, — сказала Тамсин. — На холоде всегда выше звенит. Отогреется у жаровен.

Изольда посмотрела на фонарь, потом на неё и вернулась к своему листу.

* * *

Обряд Тамсин видела каждый год, с самого детства, но всегда снизу, с крыши мясной лавки, куда отец пускал их с Рен при условии, что никто не свалится. Сверху всё оказалось и проще, и страшнее.

Ударил второй колокол. Город внизу затих, только чайки орали, разбуженные огнями.

Лорд-страж вышел к чаше без шапки. Встал перед фонарём. Снял перчатку с левой руки.

Тамсин стояла в пяти шагах, у парапета, и вцепилась в холодный камень за спиной. Она хорошо видела его пальцы. Кончики были белые. Будто он сунул их в муку. Не бледные, а именно белые, матовые, с мелкой зернистой коркой, и корка уходила к первому суставу.

«Солевая горячка», — подумала она, и что-то холодное, гаже ветра, коснулось шеи.

Об этом шептались на рынке весь год. Капитан Брам Остри погиб на южном участке при прорыве, десять месяцев назад, и лорд-страж остался один. Связанный страж без напарника не живёт. Год, говорили торговки, ну, может, чуть больше, если крепкий. Поэтому все эти девушки в светлом. Поэтому Изольда с листом.

— Начнём, — сказала Изольда.

Первая девушка подошла, дрожа. Лорд-страж уколол палец серебряной иглой, коснулся стекла. Девушка уколола свой и коснулась рядом. Фонарь остался тёмным. Изольда вычеркнула строку. Вторая. Третья. Молодой стражник с веснушками, который так старался, что уронил иглу. Ничего. Ещё одна девушка, молодая вдова в жемчугах, и та заплакала, когда фонарь не ответил, и мать увела её, приобняв за плечи.

Внизу, в толпе, начали перешёптываться. Шёпот поднимался по склону, как вода.

Лорд-страж стоял неподвижно. По его лицу можно было подумать, что он наблюдает разгрузку бочек.

Изольда вычеркнула последнюю строку и опустила лист.

— Достаточно, — сказала она тихо, но Тамсин стояла близко и услышала. — Зажигай один. Покажи им, что держит.

Он кивнул. Взял фонарь обеими руками, белыми пальцами и здоровыми, и поднял над чашей, чтобы видел город. Капля крови с проколотого пальца сползла по зелёному боку.

Огонь внутри родился не от фитиля. Он вспыхнул в самом стекле, бледный, холодный, похожий на лунный свет на воде, и пошёл к пузырькам, зажигая каждый. Внизу ахнули. По цепочке фонарей на парапете, от ближнего к дальнему, пробежала дрожь, и они разгорелись ярче.

С моря дунуло. Ледяным, сырым, прямо с прилива, который как раз подошёл к подножию и ударил в камень так, что под ногами вздрогнула площадка.

Тамсин услышала треск раньше всех.

Сухой, короткий, как будто кто-то наступил на ледок в луже. Она знала этот звук. Его знает любой стекольщик, который хоть раз вынул вещь из печи слишком рано. Напряжённое стекло. Оно не выдерживает холода и лопается изнутри.

По зелёному боку фонаря побежала белая нить.

Лорд-страж увидел её. Его руки дрогнули.

Тамсин не думала. Отец за три дня выдул эту вещь, она неделю полировала её до блеска, она везла её по Коленоломке, держа ладонь на крышке, и это было сорок крон, и это было последнее, что ушло из мастерской с её вывеской. Она прыгнула вперёд, через пять шагов, как через лужу, и подставила руки под фонарь в ту секунду, когда он развалился.

Стекло разошлось на три куска. Самый большой упал ей в ладони краем, острым, как бритва. Она почувствовала, как оно входит в мясо под большим пальцем, и почему-то не почувствовала боли. Только тепло.

Его рука, с белыми кончиками и каплей крови, легла сверху. Он тоже ловил.

Их кровь смешалась на одном осколке.

Тамсин успела подумать: «Ой». Больше ничего.

Свет ударил из осколка вверх и в стороны, как вода из прорванной бочки. Не бледный и лунный, а зелёный, яркий, режущий глаз. Он прошёл по её руке до локтя, до плеча, и ей показалось, что под кожей у неё побежал горячий расплав. Цепочка фонарей на парапете вспыхнула вся разом, до самого горизонта, на юг и на север, так, что туман стал зелёным. А потом стена загудела.

Это был звук, которого Тамсин никогда не слышала и сразу узнала. Так гудит хорошее соляное стекло, если ударить по нему костяшкой. Низко, ровно, в самой груди. Только стекло было длиной в много миль, и гудело оно под её сапогами, у неё в зубах, у неё в рёбрах.

И ещё одно. Рядом, совсем близко, кто-то другой тоже слышал этот звук. Она это чувствовала, как чувствуют чужую руку в темноте. Чужое удивление, тяжёлое и усталое. Чужой страх, очень старый. И под всем этим тупая боль в правом боку, под рёбрами, ноющая, давняя. Не её. У неё там ничего не болело.

Тамсин подняла глаза.

Олдрик Вейн смотрел на неё поверх осколка. Свет бил ему в лицо снизу, и впервые за весь вечер на этом лице было выражение. Ужас.

— Отпустите, — сказал он хрипло.

— Сами отпустите.

Никто не отпустил.

Внизу, на склоне, кто-то закричал «Привязка!», и крик подхватили, и он покатился по Хольму, с крыши на крышу, до самого порта. Где-то заплакал ребёнок. Где-то засвистели. Где-то женщина громко сказала, что это неслыханно, стекольщица, с улицы.

Изольда Вейн подошла, взяла её запястье двумя пальцами в серой перчатке, как берут дохлую мышь, и посмотрела на рану.

— Глубоко, — сказала она. — Не двигайтесь. Олдрик, не двигайся и ты.

— Я не двигаюсь.

— Ты дрожишь.

— Это не я, — сказал он, и Тамсин поняла, что дрожит она. Колени, руки, челюсть. Она стояла на стене, над морем, в зелёном огне, держа в ладони окровавленный кусок своего же фонаря, и рядом стоял человек, который выселил её из дома, и она чувствовала, как у него болит бок.

— Тамс! — Рен проталкивалась сквозь гильдейских старшин, распихивая их локтями. — Тамс, ты что наделала?

— Сорок крон, — сказала Тамсин непослушными губами. — Казначей теперь не заплатит.

Потом колени всё-таки решили, что с них хватит.

Последнее, что она запомнила, было его плечо. Он поймал её, неловко, одной рукой, потому что вторая всё ещё сжимала осколок, и от него пахло мокрой шерстью, солью и сапожным воском.

Глава 2. Договор

— Ешь, — сказала старуха. — Сначала ешь, потом будешь ругаться. На голодный живот ругаются только чайки и пристава.

Миска была глиняная, тёплая, тяжёлая, с отбитым краем. В ней плавала перловка, морковь, куски копчёной трески и укроп. Тамсин держала её здоровой рукой. Левая лежала на колене, обмотанная полотном до запястья, и под полотном дёргало ровно, с каждым ударом сердца.

Кухня Соляной башни была низкой, сводчатой и такой жаркой, что на окнах стояла вода. Под потолком висели связки лука, пучки чабреца, окорок в сетке. В углу на лавке спал рыжий кот размером с хорошую собаку. Пахло хлебом, дымом и мокрыми полотенцами, которые сохли над печью.

Матушка Гедда, невысокая, круглая, с руками как две буханки, стояла над ней и ждала.

— Я не голодна.

— Ты вчера упала в обморок на стене перед всем Хольмом. Ты голодна. Ешь.

Тамсин съела ложку. Потом вторую. Потом поняла, что не ела со вчерашнего утра, и что суп очень хороший, и что она сейчас заплачет, если не будет есть быстро. Поэтому ела быстро.

Гедда удовлетворённо кивнула и отошла к печи.

— Мальчик тоже не спал, — сказала она, не оборачиваясь. — Всю ночь ходил. Туда-сюда, туда-сюда, у меня над головой. Сапоги у него скрипят, я ему говорила, смажь, а он своё.

— Какой мальчик?

— Олдрик.

Тамсин подавилась перловкой.

* * *

Изольда Вейн приняла её в библиотеке, и это было похоже на приём у лекаря, который заранее знает, что больной будет капризничать.

Комната была узкой и высокой, полки до потолка, лестница на колёсах, длинный стол, заваленный картами стены и стопками отчётов. На столе стоял чайник и одна чашка. Чай в ней был чёрный, как дёготь. Сахарницы не было.

Лорд-страж стоял у окна спиной к ним. На нём была та же тёмная одежда, что и вчера, только сухая, и он смотрел на море так, будто оно ему что-то задолжало.

Тамсин села, не дожидаясь приглашения.

— Ну, — сказала она. — Что вы со мной сделали?

— Мы ничего с вами не сделали, — ответила Изольда. — Вы прыгнули под падающее стекло. Это было ваше решение.

— Я спасала фонарь.

— Вы его не спасли.

— Я заметила.

Изольда сняла одну перчатку, палец за пальцем, положила её на стол рядом с чашкой. Рука под перчаткой оказалась обычной, тонкой, с чернильным пятном на среднем пальце. Тамсин почему-то ждала чего-то другого.

— Буду говорить коротко, — сказала Изольда. — Вы, мастерица Хейл, теперь связаны с моим братом привязкой стражей. Кровь двоих на соляном стекле во время обряда, при поднятом обереге. Это не обряд помолвки и не гадание на воске, это ремесло, и правила у него довольно грубые. Первое: вы будете чувствовать его боль, он вашу. Приглушённо. Как будто через стену.

— Уже чувствую, — буркнула Тамсин. — У него правый бок ноет.

У окна лорд-страж слегка повернул голову.

— Второе, — продолжала Изольда, не моргнув. — Вдвоём вы будете слышать обереги. Вы это тоже уже заметили. Третье. Привязку нельзя снять. Ни словом, ни ножом, ни бумагой. Пока вы оба живы, она держит.

— А если один не жив?

— Тогда второй заболевает солевой горячкой. Кожа на руках белеет и твердеет. Путаются мысли. Без новой привязки смерть приходит примерно через год. Иногда чуть раньше. Я видела это. Не в книге.

Тамсин посмотрела на спину у окна. На левую руку. Перчатки на ней сегодня не было, и Тамсин видела, как он держит пальцы чуть согнутыми, будто прячет их от холода.

— То есть, — медленно сказала она, — если ваш брат помрёт, помру и я.

— Не сразу. Через год.

— Спасибо. Утешили.

— Я не утешала. Я уточняла.

— А сейчас? У него уже эта ваша горячка. Это пройдёт?

— Должно. — Изольда впервые помедлила, и Тамсин это отметила. — Если привязка будет работать. Для этого связанные должны жить рядом и служить Стене вместе. Обходы, зажигание, починка. Если вы уедете, скажем, в столицу, привязка растянется. Он будет медленно умирать здесь, вы будете медленно сходить с ума там, от его боли и от того, что стена зовёт.

— Звучит как брак моей тётки, — сказала Тамсин.

Лорд-страж у окна издал звук. Короткий, через нос. Тамсин не поняла, смешок это был или он просто чихнул.

— Значит, вы хотите, чтобы я жила здесь, — сказала она. — В башне. С ним.

— Не с ним. В башне. Комнат здесь хватает.

— И ходила по стене.

— Да.

— Я боюсь высоты.

— Я знаю, — сказала Изольда. — Вы держались за башню всю дорогу по лестнице. Сорок одну ступень.

Тамсин стиснула зубы. Под повязкой рука задёргала сильнее, и в ту же секунду у окна лорд-страж сжал левый кулак, а потом медленно разжал, как будто пробовал, работает ли.

— Хорошо, — сказала Тамсин. — Тогда будем торговаться.

* * *

Пергамента в библиотеке нашлось сколько угодно. Тамсин взяла чистый лист, обмакнула перо и, закусив губу, вывела наверху крупно: «Договор».

— Это необязательно, — сказала Изольда.

— Это обязательно. Мой отец верил людям на слово. У него была мастерская на Стекольной улице, три печи, два подмастерья и вывеска. Теперь у меня есть сестра, тележка и сто восемьдесят шесть крон долга. Я верю бумаге.

Она писала, проговаривая вслух, чтобы они не делали вид, будто не слышат.

— Пункт первый. Мастерская «Хейл и дочери» со всем имуществом, печами, инструментом и вывеской возвращается Тамсин Хейл в собственность. Пункт второй. Долги Эвана Хейла перед казной Предела и любыми другими лицами считаются уплаченными. Пункт третий. Тамсин Хейл получает отдельную комнату в Соляной башне. С замком. Ключ один, у неё.

— С замком, — повторила Изольда без выражения.

— С замком, — сказала Тамсин. — Пункт четвёртый. Через год со дня подписания Тамсин Хейл вольна жить где хочет. Привязка, как я поняла, никуда не денется, но я не обязана при этом спать под одной крышей с… с лордом-стражем.

— Вы же сами слышали, — начала Изольда, — через год, если привязка приживётся, расстояние…

— Значит, через год посмотрим. Я пишу «вольна». Пункт пятый.

Она подумала.

— Сестра. Рен Хейл может приходить в башню, когда хочет. И её пускают через ворота без вопросов, даже если у неё под курткой окажется что-нибудь, что пахнет табаком.

— Если у неё под курткой окажется контрабанда, её арестует таможня, а не мы.

— Вот пусть таможня и мучается. Пункт шестой. Груши.

Изольда приподняла бровь.

— Груши к завтраку, — сказала Тамсин. — Это не обсуждается.

— Вы понимаете, что это смешно.

— Я понимаю, что меня сутки назад продали стене. Хочу груш.

— Хорошо, — сказал лорд-страж.

Обе повернулись к нему.

Он отошёл от окна. Подошёл к столу, взял её лист и прочитал, держа его на расстоянии вытянутой руки, как дальнозоркий, хотя вряд ли был дальнозорким. Потом положил обратно, взял перо из её пальцев, не коснувшись их, и подписал внизу. Подпись была та самая, с завитком на «В».

— Что, всё? — спросила Тамсин.

— Всё.

— Вы даже не будете спорить? Про мастерскую? Про долги? Там почти двести крон!

— Сто восемьдесят шесть, — сказал он. — И семь грошей. Вы вчера говорили сестре на Коленоломке. Я шёл позади.

Тамсин открыла рот и закрыла. Значит, шёл позади. Значит, слышал и про банку со свечкой.

— Это подозрительно, — сказала она.

— Что именно?

— Что вы так легко соглашаетесь. Так не бывает. Человек, который подписал бумагу на мою мастерскую, не отдаёт её обратно на следующее утро за просто так.

— Не за просто так. За то, что вы будете ходить по стене. Над морем. Каждую ночь. — Он помолчал. — Вы боитесь высоты.

— Я в курсе.

— Значит, цена честная.

Он положил перо и опять отошёл к окну. Изольда смотрела на брата с таким лицом, будто он только что съел её чай вместе с чашкой.

— Олдрик, — сказала она. — Подпиши хотя бы, что она тоже несёт ответственность…

— Не надо.

— Хотя бы за обходы…

— Изольда.

Изольда замолчала. Тамсин посмотрела на одного, на другого и почувствовала, как вдоль её рёбер, справа, опять тянет. Глухо, но настойчиво. Она поймала себя на том, что прижимает локоть к боку. Его бок. Её локоть.

— Это у вас что? — спросила она. — Вот здесь.

Он не обернулся.

— Старый шрам. Перед дождём ноет.

— Перед дождём? Тут каждый день дождь.

— Вот и ноет каждый день, — сказал он.

* * *

Дознаватель прибыл после полудня, когда Тамсин уже успела осмотреть свою комнату и найти, что замок в ней хлипкий, а окно выходит на море. Она попросила другую. Ей дали другую. Окно в ней выходило на море тоже, просто с другой стороны.

Она как раз стояла у этого окна и думала, можно ли привыкнуть к воде, если завешивать стекло одеялом, когда в дверь постучали. Тихо, два раза, вежливо.

— Мастерица Хейл? Простите, что отрываю. Маттиас Крейн, королевский дознаватель. Мне сказали, вы здесь. Не уделите четверть часа?

Он стоял на пороге в потёртом сером плаще, который, кажется, видел больше дорог, чем Тамсин видела улиц. Худой, светловолосый, коротко стриженный, с узким лицом и внимательными светлыми глазами, которые в первую же секунду пробежали по её комнате: по кровати, по сундуку, по сапогам у двери, по повязке. В руке он держал яблоко. Зелёное, кислое на вид, уже надкушенное.

— Королевский? — переспросила Тамсин. — Из столицы?

— Из столицы. Прибыл три дня назад по другому делу, но меня, видите ли, вчера позвали на стену, и вот я здесь. Можно войти?

— Нельзя.

— Тогда я постою.

Он прислонился плечом к косяку и откусил яблоко. Хрустнуло так громко, что Тамсин вздрогнула.

— Вы ведь понимаете, мастерица, что Большой фонарь — вещь не простая. Его ставят раз в год. На нём держится, как бы сказать, лицо стены. Если он треснул на глазах у всего города, по Хольму уже пошли разговоры, что обереги слабеют. Купцы с утра подняли страховку на грузы. Двое уехали.

— Фонарь треснул от холода. Напряжённое стекло. Плохо отожгли.

— Кто отжигал?

— Отец. — Она запнулась. — Он дул его прошлой осенью. Последняя большая работа. Потом заболел, а потом зимой… Потом мастерскую опечатали. Фонарь стоял в остывочном шкафу, под холстиной.

— Под казённой печатью. — Маттиас кивнул так, будто она подтвердила то, что он и так знал. — Вы получили разрешение забрать его неделю назад, в казначействе. Подпись помощника казначея, номер прошения. Вы его вынули из шкафа, отвезли в комнату, которую снимаете над прачечной на Угольной улице, и неделю полировали. Так?

— Так. А вы откуда…

— Прачка мне рассказала. Очень разговорчивая женщина. — Он снова откусил, прожевал. — Значит, неделю этот фонарь был у вас в руках. Одной. Без печати. Без свидетелей, если не считать прачку, которая, к сожалению, мало понимает в стекле.

Тамсин медленно отошла от окна.

— На что вы намекаете?

— Я не намекаю, мастерица. Намекают дамы на балах. Я спрашиваю. — Он улыбнулся, вежливо и совсем не тепло. — Вчера на стене вы щёлкнули по фонарю ногтем. Мне сказал один из стражников, он стоял рядом. Сказал, что вы нахмурились. Значит, вы ещё до обряда знали, что со стеклом что-то не так?

— Я знала, что оно звенит высоко. Это ничего не значит. На холоде…

— На холоде звенит выше. Да. Вы так и сказали госпоже Вейн. Она мне тоже рассказала. — Маттиас разглядывал её поверх яблока. — И вот что у нас получается. Фонарь из вашей мастерской. Неделю у вас в руках. Вы знаете, что он плох, и всё равно везёте его на стену. Он лопается в руках лорда-стража, на котором и так держится весь Предел, и в ту же секунду, по удивительному стечению обстоятельств, вы оказываетесь рядом. Режете руку. И просыпаетесь

сегодня утром не в каморке над прачечной, а в Соляной башне, с подписанным договором, по которому вам возвращают мастерскую и прощают долг. Удобно.

У Тамсин загорелись щёки. Здоровая рука сама собой сжалась в кулак.

— Вы думаете, я специально? Вы думаете, я разбила фонарь отца, чтобы… чтобы что? Выйти замуж за этого вашего лорда-стража?

— Я не говорил «замуж».

— Я не невеста ему!

— Я и этого не говорил. — Он оттолкнулся от косяка. — Я говорю, что вчера на стене случились две вещи, которых никто не ждал, и обе вышли вам на пользу. Я дознаватель, мастерица. Мне не платят за то, чтобы я верил в совпадения.

— А мне не платят за то, чтобы я слушала оскорбления в собственной комнате.

— Комната не ваша, а башенная, — мягко заметил он. — Но это мелочь.

Где-то внизу, этажом или двумя, хлопнула дверь. Тамсин почувствовала, как в боку снова ноет, но теперь по-другому, будто кто-то, кому этот бок принадлежит, резко повернулся.

Через полминуты на лестнице послышались шаги. Скрипящие сапоги.

Лорд-страж появился за спиной дознавателя, и Маттиас, не оборачиваясь, сказал:

— Добрый день, милорд. Я как раз ухожу.

— Вы как раз уходите, — подтвердил лорд-страж.

— Одна просьба. Мастерская Хейлов, по договору, насколько я понимаю, возвращается мастерице. — Маттиас повернулся к нему, и Тамсин увидела, что двое мужчин почти одного роста и смотрят друг на друга без всякой любви. — Я вынужден её опечатать снова. Как место, где хранилась улика. До конца дознания.

— Что? — сказала Тамсин.

— До конца дознания, — повторил Маттиас. — Это ненадолго. Если вы ни в чём не виноваты.

Он кивнул обоим, доел яблоко в два укуса, огрызок аккуратно завернул в платок и сунул в карман. Потом пошёл вниз по лестнице, не торопясь, и полы его серого плаща ещё какое-то время мелькали в пролёте.

Тамсин стояла посреди комнаты с окном на море и смотрела на человека, которого вчера вечером ненавидела. Она и сегодня его ненавидела. Только теперь ещё чувствовала, как у него ноет шрам.

— Вы знали, что он придёт? — спросила она.

— Догадывался.

— И подписали договор, зная, что мастерскую всё равно опечатают?

Он подумал.

— Я подписал договор, — сказал он. — Остальное не в моей власти.

— А что в вашей власти?

— Груши, — сказал лорд-страж. — Груши к завтраку я обеспечу.

И ушёл. Тамсин осталась у двери. Замок, когда она его повернула, щёлкнул жалко, как сломанная ветка.

Глава 3. Эхо

Первые четыре дня они разговаривали через Гедду.

— Скажите лорду-стражу, что у меня в комнате дует из-под окна.

— Мальчик говорит, это не из-под окна, а из щели в раме, и что завтра придёт плотник.

— Скажите ему, что плотник приходил и ушёл, потому что кто-то велел ему сначала починить конюшню.

— Мальчик говорит, лошади важнее.

— Скажите мальчику…

— Сама скажи, — отрезала Гедда и сунула ей в руки корзину с бельём. — Я вам не почтовая чайка. Отнеси на верхний этаж, раз уж ходишь без дела.

Тамсин отнесла. На верхнем этаже была его спальня, дверь приоткрыта, внутри пусто. Узкая кровать, заправленная по-солдатски, стол с горой бумаг, на полу у окна сапог, подошвой вверх, и рядом шило, дратва и кусок воска. Тамсин поставила корзину на сундук и ушла быстрее, чем следовало.

Груши, кстати, были. Каждое утро на кухонном столе лежали две, одна жёлтая, одна зелёная с рыжим бочком. В первый день они оказались каменными, такими, что ими можно было колоть орехи. На второй день мягче. На третий Гедда, нарезая хлеб, сказала в пустоту, что на рынке грушами торгуют три лавки, и мальчик, кажется, обошёл все. Тамсин сделала вид, что не услышала.

* * *

Привязка напоминала соседа за тонкой стенкой. Ничего не видно, но всё слышно.

В первую ночь Тамсин проснулась оттого, что у неё сводило правый бок. Она лежала, прижимая ладонь к рёбрам, и пыталась понять, где именно болит, и только к утру догадалась: болит не у неё. За окном собирался дождь. Где-то наверху, двумя этажами выше, у человека ныл старый шрам, и она лежала в темноте и знала про этот шрам больше, чем про собственные зубы. Длинный, косой, от нижнего ребра почти до спины. Затянулся плохо. Под ним, кажется, что-то срослось криво.

На вторую ночь шрам не болел. Зато было другое. Ближе к рассвету её накрыло чем-то тяжёлым и тусклым, похожим на сырое одеяло. Ни боли, ни страха. Пустота. Как в мастерской после того, как погасили печь и унесли инструмент, и осталась только сажа на стенах. Тамсин полежала с этим, потом встала, оделась и пошла на кухню, где Гедда уже ставила тесто.

— Он не спит? — спросила она.

Гедда посмотрела на неё долго.

— Сядь, — сказала она. — Чаю налью.

Больше они об этом не говорили.

На третий день Тамсин нашла печь.

Печь стояла во дворе за конюшней, под навесом, кирпичная, закопчённая, небольшая. Для настоящей работы не годилась, но для починки фонарей, для пайки трещин, для мелкого литья её когда-то и строили. Рядом валялись трубки, ржавые щипцы, треснувшая мраморная плита, на которой катают баночку расплава, и короб с битым стеклом, заросший паутиной.

— Это старого Тиса, — сказала Гедда, — был тут стекольщик при башне, лет двадцать. Помер. С тех пор никто не топил. Мальчик говорил, надо найти нового, но не нашёл. Денег на стену дают всё меньше, а стекольщики в Хольме дорогие.

— Я не дорогая, — сказала Тамсин. — Я по договору.

Она провозилась весь день. Вычистила золу. Заделала глиной трещину в своде. Притащила дров из сарая и угля из подвала, разожгла, долго не могла раздуть мехами, потому что кожа на мехах пересохла и травила. Нашла в кладовке у Гедды топлёный жир, промазала кожу.

К вечеру печь задышала. Сначала дымом, потом жаром, потом тем особенным звуком, глухим и ровным, который Тамсин слышала с детства и по которому скучала полгода сильнее, чем по дому.

Она сидела перед зевом на перевёрнутом ведре и смотрела, как внутри краснеет кирпич. Руки были чёрные по локоть. Повязку на левой пришлось поменять дважды. Ей было хорошо.

Потом она полезла щипцами переложить полено и взялась за них не там. За голое железо, у самого края.

Зашипело. Тамсин выругалась так, как отец ругался, когда у него лопалась баночка на трубке. Со всеми подробностями про печную заслонку. Сунула палец в рот.

Наверху, в башне, что-то упало.

Глухо, тяжело, потом звякнуло. Тамсин подняла голову. В окне второго этажа, где была библиотека, мелькнула тень. Через минуту оттуда донёсся голос Изольды, ровный, но громче обычного:

— Олдрик, это была моя чернильница.

Тамсин вынула палец изо рта. Посмотрела на ожог. Маленький, круглый, на подушечке указательного. Потом снова на окно.

Вечером, за ужином, Гедда поставила перед лордом-стражем миску, и Тамсин увидела: он держит ложку в левой руке как-то неловко, оттопырив указательный палец. Как будто его обожгло. Но никакого ожога на нём не было.

Она открыла рот.

— Не надо, — сказал он, не поднимая глаз.

— Я ничего не сказала.

— Вы собирались спросить, больно ли мне.

— Я собиралась сказать, что вы ужасно держите ложку.

— Тоже не надо, — сказал он, и уголок его рта дёрнулся. Совсем чуть-чуть.

* * *

На первый обход они вышли на пятую ночь.

Изольда сказала, что дальше откладывать нельзя: привязка, которая не ходит по стене, сохнет, как глина на ветру. Тамсин слушала, кивала и чувствовала, как ноги заранее становятся ватными.

Ночь выдалась тихая. Туман сел на воду и не поднимался выше парапета, так что стена шла поверх него, как дорога поверх облака. Фонари светили бледно-зелёным. Внизу, под туманом, лениво чавкало море.

Ширина прохода наверху была шага три. Внутренний край огорожен низким бортиком, по колено. Внешний, со стороны моря, парапетом по пояс. Тамсин знала, что падать здесь некуда, если только сама не полезешь. Знала, что по этой стене ходят каждую ночь, десятки лет, и никто не падает. Знание жило у неё в голове. Колени жили отдельно.

Первые триста шагов она прошла, вцепившись в рукав собственной куртки. До второго фонаря. Там остановилась, потому что дальше проход немного изгибался, и на изгибе ветер с моря наконец пробил туман, и она увидела воду. Чёрную, далеко внизу, с белыми гребешками.

— Я постою, — сказала она.

— Стойте.

Он остановился тоже. Не спрашивал, не торопил. Стоял рядом и смотрел в туман. Тамсин считала вдохи. На двенадцатом поняла, что он стоит с внешней стороны. Между ней и парапетом. Между ней и водой.

Когда они пошли дальше, он перешёл на внешнюю сторону снова, просто и молча, как переходят на другую сторону улицы, чтобы обойти лужу. На изгибах шёл чуть впереди. На прямых рядом. Ни разу не взял её за локоть. Ни разу не сказал ни слова про высоту.

У четвёртого фонаря он остановился и снял перчатку.

— Положите руку на камень, — сказал он. — Вот здесь, на парапет. Ладонью.

— Зачем?

— Послушать.

Камень был холодный и шершавый, мокрый от тумана. Тамсин положила здоровую ладонь, и рядом, в двух пальцах от её мизинца, легла его рука, белые кончики пальцев на сером солекамне. Почти одного цвета.

Сначала ничего не было. Только ветер, капли с края фонаря и её собственное сердце.

Потом пришёл звук.

Не через уши. Через ладонь, через запястье, прямо в кости. Низкий, ровный, как в ночь обряда, только тише, спокойнее. Стена гудела. И Тамсин поняла, что гудит она не одной нотой. Каждый фонарь давал свою, чуть выше или чуть ниже соседа, и они складывались, как голоса в хоре, когда хор поёт без слов. Ближний фонарь вёл чистый, круглый тон. Тот, что за спиной, чуть ниже. Дальний, у изгиба, едва слышно, но тоже чисто.

А впереди, шагах в шестистах, что-то царапало.

Тонкая, противная нота, как ноготь по стеклу. Не громкая. Почти теряющаяся в общем гуле. Но Тамсин, которая с шести лет различала по звону хорошее стекло и плохое, услышала её сразу, и у неё свело зубы.

— Там, — сказала она. — Что там? Фальшивит.

Он посмотрел на неё. Долго.

— Шестой фонарь, — сказал он. — Трещина в кладке под ним. Мелкая. Я её слышу уже месяц. Чинили неделю назад, не помогло.

— Значит, плохо чинили.

— Значит, плохо, — согласился он.

Они дошли до шестого фонаря. Трещина и правда была в кладке, тонкая, с волос, у основания тумбы. Тамсин присела на корточки, забыв про высоту, и провела пальцем. Солекамень по краю трещины крошился, будто его подъела вода.

— Это не мне чинить, — сказала она. — Это каменщикам.

— Каменщики придут завтра.

— Или их снова отправят на конюшню.

Он не ответил. Но и не ушёл. Стоял рядом, пока она сидела на корточках, и ветер трепал полы его плаща, и Тамсин вдруг подумала, что ей совсем не страшно. Что она сидит на стене, на высоте, над чёрной водой, и ей не страшно, потому что стена поёт у неё под ладонью, и потому что с внешней стороны кто-то стоит.

Мысль ей не понравилась. Она встала и отряхнула колени.

* * *

Осколки Большого фонаря хранились в библиотеке, в деревянном ящичке, выстеленном сукном. Самый крупный, тот, на котором была их кровь, забрал Маттиас Крейн. Два других и горсть мелочи Изольда оставила себе для опытов.

— Зачем вам? — спросила она, когда Тамсин попросила.

— Хочу посмотреть.

— Дознаватель смотрел.

— Дознаватель не стекольщик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.